

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ГЕРБЕРТ
МАРКУЗЕ

МОЛОДЁЖНЫЙ
БУНТ

ИСТОЧИК
СВОБОДЫ
ИЛИ НОВОЕ
ВАРВАРСТВО?

РАУЛЬ
ВАНЕЙГЕМ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

**Рауль Ванейгем
Герберт Маркузе**

**Молодежный бунт. Источник
свободы или новое варварство?**

Серия «Философский поединок»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69283543
Молодежный бунт. Источник свободы или новое варварство / Г.
Маркузе, Р. Ванейгем: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00180-900-5*

Аннотация

Молодёжная революция 1960-х изменила мир. Пуританская мораль, христианство, либерализм, выборы, парламент – старые идола были сброшены. Наступили новые времена, долгожданная «эра Водолея».

Но были ли счастливы сами революционеры? Добились ли они своего? Не разочаровались ли в результатах своей работы?

В своей последней книге великий философ, идеолог молодёжной революции Герберт Маркузе подвергает беспощадной критике собственное детище. Контркультура шестидесятых стала не новым Возрождением, а

новым нашествием гуннов. Молодёжный бунт обернулся контрреволюцией.

С Маркузе спорит идеолог Ситуационистского интернационала, художник и писатель Рауль Ванейгем. Он выступает безапелляционным защитником восставшей молодёжи, в её диком протесте он видит источник подлинной свободы и ответ на самые животрепещущие вопросы человечества.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Герберт Маркузе	6
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Герберт Маркузе,
Рауль Ванейгем
Молодежный бунт
Источник свободы
или новое варварство**

© Маркузе Г., 2023

© Ванейгем Р., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Художник Борис Протопопов

* * *

Герберт Маркузе

Контрреволюция и бунт

Глава первая

Левые под контрреволюцией

I

Западный мир достиг нового этапа развития: теперь защита капиталистической системы требует организации контрреволюции внутри страны и за рубежом. В своих крайних проявлениях она практикует ужасы нацистского режима. Массовые убийства в Индокитае, Индонезии, Конго, Нигерии, Пакистане и Судане развязаны против всего, что называется «коммунистическим» или восстает против правительств, подчиненных империалистическим странам. Жестокие преследования преобладают в странах Латинской Америки при фашистских и военных диктатурах. пытки стали обычным инструментом «допроса» во всем мире. Агония религиозных войн возрождается на пике западной цивилизации, а постоянный поток оружия из богатых стран в бед-

ные помогает увековечить угнетение национальных и социальное освобождение. Там, где сопротивление бедноты ослабело, студенты возглавляют борьбу против солдаты и полиции; сотнями студентов убивают, травят газом, бомбят, держат в тюрьме. Триста из них, преследуемых и расстрелянных на улицах Мехико, открыли фестиваль Олимпийских игр. В Соединенных Штатах студенты по-прежнему находятся в авангарде радикального протеста: убийства в штатах Джексон и Кент свидетельствуют об их исторической роли. Чернокоржие бойцы платят своими жизнями: Малкольм Икс, Мартин Лютер Кинг, Фред Хэмптон, Джордж Джексон. Новый состав Верховного суда институционализирует прогресс реакции. И убийство Кеннеди показывает, что даже либералы не в безопасности, если они кажутся слишком либеральными...

Контрреволюция в значительной степени носит превентивный характер, а в западном мире – вообще превентивный. Здесь нет недавней революции, которую можно было бы отменить, и ее нет в ближайшем будущем. И все же страх перед революцией, который создает общие интересы, связывает различные стадии и формы контрреволюции. Она охватывает всю гамму – от парламентской демократии через полицейское государство до открытой диктатуры. Капитализм реорганизуется себя, чтобы противостоять угрозе революции, которая была бы самой радикальной из всех исторических революций. Это была бы первая по-настоящему всемирно-ис-

торическая революция.

Падение капиталистической сверхдержавы, вероятно, ускорит крах военных диктатур в странах Третьего мира, которые полностью зависят от этой сверхдержавы. На смену им придет не правление национальной «либеральной» буржуазии (которая в большинстве этих стран принимает неоколониальные связи с иностранной державой), а правительство освободительных движений, приверженное осуществлению давно назревших радикальных социальных и экономических изменений. Китайская и кубинская революции могли бы пойти своим путем — освободившись от удушающей блокады и столь же удушающей необходимости поддерживать все более дорогостоящую оборонительную машину. Мог ли советский мир долго оставаться неуязвимым или в течение какого-либо периода времени быть способным «сдерживать» эту революцию?

Более того, в самих капиталистических странах революция будет качественно отличаться от своих неудачных предшественников. Степень этого различия будет варьироваться в зависимости от неравномерности развития капитализма. В своих самых передовых тенденциях эта революция может разрушить репрессивный континуум, который сегодня все еще связывает социалистическую реконструкцию с капиталистическим прогрессом. Без этой ужасной конкуренции социализм мог бы преодолеть фетишизм «производительных сил». Это могло бы постепенно уменьшить подчинение че-

ловека орудиям его труда, направить производство на ликвидацию отчужденного труда, отказавшись при этом от расточительных и порабощающих удобств капиталистического общества потребления. Больше не ограничиваясь навязчивой агрессивностью и репрессиями в борьбе за существование, люди смогут создать техническую и естественную среду, которая больше не будет увековечивать насилие, уродство, невежество и жестокость.

За этими знакомыми чертами грядущего социализма скрывается идея самого социализма как качественно иной целостности. Социалистический мир – это также нравственный и эстетический мир: диалектический материализм содержит идеализм как элемент теории и практики. Преобладающие материальные потребности и удовлетворение формируются – и контролируются – требованиями эксплуатации. Социализм должен увеличить количество товаров и услуг, чтобы уничтожить всю бедность, но в то же время социалистическое производство должно изменить качество существования – изменить сами потребности и способы удовлетворения. Моральные, психологические, эстетические, интеллектуальные способности, которые сегодня, если они вообще развиты, отнесены к сфере культуры, отдельной от материального существования и находящейся над ним, тогда стали бы факторами самого материального производства.

Если эта интегральная идея социализма сейчас становит-

ся руководством для теории и практики среди радикальных левых, то это исторический ответ на фактическое развитие капитализма. Уровень производительности, который Маркс прогнозировал для построения социалистического общества, уже давно достигнут в технически наиболее развитых капиталистических странах, и именно это достижение («общество потребления») служит для поддержания капиталистических производственных отношений, обеспечения народной поддержки и дискредитации обоснования социализма. Конечно, капитализм не был и никогда не сможет привести свои производственные отношения в соответствие со своими техническими возможностями; механизация, которая могла бы постепенно исключить человеческую рабочую силу из процесса материального производства, в конечном итоге означала бы конец системы. Но капитализм может еще больше повысить производительность труда, усилив зависимость основного населения. Фактически, уравнивание: технический прогресс = растущее общественное богатство (растущий ВВП!) = расширенное рабство – это закон капиталистического прогресса. Эксплуатация находит свое оправдание в постоянном расширении мира товаров и услуг – жертвами становятся накладные расходы, несчастные случаи на пути к хорошей жизни.

Поэтому неудивительно, что там, где капиталистическая техноструктура все еще сохраняет относительно высокий уровень жизни и структуру власти, практически невоспри-

имчивую к народному контролю, люди апатичны, если не полностью враждебны социализму. В Соединенных Штатах, где «народ» включает в себя подавляющее большинство рабочего класса «синих воротничков», эта враждебность направлена как против Старых, так и против Новых левых, во Франции и Италии, где марксистская традиция рабочего движения все еще жива, Коммунистическая партия и профсоюзы заручились преданностью большей части рабочего класса. Связано ли это только с тяжелыми условиями жизни этого класса или также с политикой коммунистов с их демократической парламентской программой-минимумом, которая обещает (относительно) мирный переход к социализму? В любом случае, эта политика предполагает перспективу значительного улучшения для рабочих классов их преобладающего положения – за счет уменьшения перспективы освобождения. Не только приверженность СССР, но и сами принципы стратегии устойчивого минимума уменьшают разницу между существующим и новым обществом: социализм больше не выступает как однозначное отрицание капитализма. Довольно последовательно эта политика отвергает – и должна отвергнуть – революционную стратегию Новых левых, которая связана с концепцией социализма как разрыва с континуумом зависимости, разрыва с самого начала: появление самоопределения как принципа реконструкции общества. Но радикальные цели, а также радикальная стратегия ограничены небольшими меньшинственными группами,

скорее средним классом, чем пролетариатом по своему составу; в то время как большая часть рабочего класса стала классом буржуазного общества.

Подводя итог: высшая стадия капиталистического развития соответствует в развитых капиталистических странах низкому уровню революционного потенциала. Это достаточно знакомо и не потребовало бы дальнейшего обсуждения, если бы не тот факт, что за внешним видом скрывается совсем иная реальность (которая достаточно реальна!). Внутренняя динамика капитализма изменяет, с изменениями в его структуре, модель революции: она не только не сокращает, а расширяет потенциальную массовую базу для революции, и это требует возрождения радикальных, а не минимальных целей социализма.

Адекватная интерпретация парадоксальной связи между разрушительным ростом капитализма и (кажущимся и фактическим) снижением революционного потенциала потребовала бы тщательного анализа неоимпериалистической, глобальной реорганизации капитализма. Большой вклад в такой анализ был сделан. Здесь я попытаюсь, на основе этого материала, только сосредоточить обсуждение на перспективах радикальных перемен в Соединенных Штатах.

II

Преобладание неревolutionного – нет, антиrevolution-

ного – сознания среди большинства рабочего класса бросается в глаза. Безусловно, революционное сознание всегда выражало себя только в революционных ситуациях; разница в том, что сейчас положение рабочего класса в обществе в целом препятствует развитию такого сознания. Интеграция большей части рабочего класса в капиталистическое общество не является поверхностным явлением; она уходит корнями в саму инфраструктуру, в политическую экономию монополистического капитализма: преимущества, предоставляемые столичному рабочему классу благодаря сверхприбыли, неокOLONиальной эксплуатации, военному бюджету и гигантскому правительству субсидии. Сказать, что этот класс может потерять гораздо больше, чем свои цепи, может быть вульгарным заявлением, но оно также верно.

Легко отмахнуться от аргумента о тенденциозной интеграции рабочего класса в развитое капиталистическое общество, заявив, что это изменение относится только к сфере потребления и, следовательно, не влияет на «структурное определение» пролетариата. Сфера потребления является одной из областей социального существования человека и как таковая определяет его сознание, которое, в свою очередь, является фактором, формирующим его поведение, его отношение как на работе, так и на досуге. Политический потенциал растущих ожиданий хорошо известен. Исключить сферу потребления в вывод более широких социальных аспектов из структурного анализа нарушает принцип диалектиче-

го материализма. Тем не менее, интеграция организованного труда является поверхностным явлением в другом смысле: она скрывает дезинтегрирующие, центробежные тенденции, выражением которых она сама является. И эти центробежные тенденции не действуют за пределами интегрированной области; в этой самой области монополистическая экономика создает условия и порождает потребности, которые угрожают взорвать капиталистическую структуру. Предвосхищая последующее обсуждение, я напоминаю классическое утверждение: именно огромное богатство капитализма приведет к его краху. Станет ли общество потребления его последней стадией, его могильщиком?

Кажется, мало доказательств для утвердительного ответа. На высшей стадии капитализма самая необходимая революция оказывается самой маловероятной. Наиболее необходимо, потому что установленная система сохраняет себя только за счет глобального уничтожения ресурсов, природы, человеческой жизни, и преобладают объективные условия для ее прекращения. Этими условиями являются: общественное богатство, достаточное для ликвидации бедности; техническое ноу-хау для систематического использования имеющихся ресурсов для достижения этой цели; правящий класс, который растрчивает, арестовывает и уничтожает производительные силы; рост антикапиталистических сил в Третьем мире, которые уменьшают резервуар эксплуатации; и огромный рабочий класс, который, отделенный от контроля над

средствами производства, противостоит небольшому паразитическому правящему классу. Но в то же время власть капитала, распространенная на все сферы труда и досуга, контролирует основное население через товары и услуги, которые оно предоставляет, и через политический, военный и полицейский аппарат ужасающей эффективности. Объективные условия не преобразуются в революционное сознание; жизненная потребность в освобождении подавляется и остается без власти. Классовая борьба протекает в формах «экономического» соревнования; реформы не предпринимаются как шаги к революции – субъективный фактор отстает.

Однако было бы неправильно интерпретировать это несоответствие между необходимостью и возможностью революции только в терминах расхождения между субъективными и объективными условиями. Первые в высокой степени гармонируют со вторыми: реформистское или конформистское сознание соответствует достигнутой стадии капитализма и его вездесущей структуре власти – ситуации, которая концентрирует политическое сознание и восстание в неинтегрированных миноритарных группах, среди рабочих (особенно во Франции и Италии), а также среди среднего класса. Парадокс «невозможной» революции находит свое решение именно в самих объективных условиях.

Рестабилизация капитализма и неоимпериализма, начавшаяся после Второй мировой войны, еще не подошла к концу – несмотря на Индокитай, несмотря на инфляцию, между-

народный валютный кризис и растущую безработицу в Соединенных Штатах. Система все еще способна «управлять», благодаря своей экономической и военной мощи, обостряющимися конфликтами внутри и за пределами своего доминиона. Именно беспрецедентные возможности капитализма 20-го века приведут к революции 20-го века – революции, однако, которая будет иметь основу, стратегию и направление, совершенно отличные от ее предшественников, особенно от русской революции. Его отличительными чертами были лидерство «идеологически сознательного авангарда», массовая партия в качестве его «инструмента», основная цель – «борьба за государственную власть».

Не случайно, что такого рода революция никогда не могла произойти на Западе. Здесь капиталистическая система не только достигла многих целей, которые в слаборазвитых странах были движущей силой современных революций, но капитализму также удалось благодаря постоянному росту доходов, усложнению инструментов посредничества, международной организации эксплуатации предложить для большинства населения возможность выживания и, зачастую, частичное решение насущных проблем.

Растущее удовлетворение потребностей, даже превышающих потребности в средствах к существованию, также меняет черты революционной альтернативы: она становится проектом построения социального порядка, который способен «не только производить больше и лучше распределять про-

дукт, но и производить другим способом другие товары и давать новую форму человеческих отношений».

Массовая база, созданная отношениями между капиталом и трудом в 18 и 19 веках, больше не существует в метрополиях монополистического капитала (и постепенно изменяется в более отсталых капиталистических странах), и создается новая база, расширение и трансформация исторической динамики способа производства.

На последнем этапе экономической и политической концентрации отдельные капиталистические предприятия во всех секторах экономики подчиняются требованиям капитала в целом (Gesamtkapital). Эта координация происходит на двух взаимосвязанных уровнях: через нормальный экономический процесс в условиях монополистической конкуренции (растущий органический состав капитала; давление на норму прибыли); и через «государственное управление». Следовательно, все больше слоев ранее независимых средних классов становятся прямыми слугами капитала, занятыми созданием и реализацией прибавочной стоимости, будучи отделенными от контроля над средствами производства». Третичный сектор» (производство услуг), издавна необходимый для реализации и воспроизводства капитала, набирает огромную армию наемных работников. В то же время все более технологический характер материального производства вовлекает в этот процесс функциональную интеллигенцию.

Таким образом, база эксплуатации расширяется за пределы фабрик и магазинов и выходит далеко за пределы рабочего класса «синих воротничков».

Коммунистическая стратегия давно признала решительные изменения в составе рабочего класса. Следующее заявление взято из обсуждения тезисов XIX съезда Французской коммунистической партии: «...Коммунистическая партия никогда не путала принадлежность к рабочему классу с физическим трудом... С фактическим прогрессом в технологии и ростом числа работников, не занятых физическим трудом, фактически становится все труднее разделить ручной и интеллектуальный труд, хотя капиталистический способ производства пытается сохранить это разделение». Далее в заявлении говорится, что концепция Маркса о «коллективном труде» не идентична концепции традиционного (наемного) рабочего класса: «коллективный труд включает наемных работников, которые не являются рабочими, таких как исследователи, инженеры, кадры и так далее». Сегодняшний рабочий класс значительно расширился: он состоит «не только из пролетариев в сельском хозяйстве, на фабриках, в шахтах».

Литература о новых левых и нынешней фазе капитализма уже может заполнить библиотеку. Я хотел бы упомянуть только одну – на мой взгляд, самую четкую, честную, критичную и очаровательную, написанную двумя молодыми активистами: «Разрушенная история: новые левые и но-

вый капитализм» Грегга Калверта и Кэрол Неймана (Нью – Йорк: Random House, 1971): «строительные верфи, которые формируют ядро этого класса, но также и совокупность тех рабочих, которые непосредственно участвуют в подготовке и функционировании материального производства». В этой трансформации рабочего класса не только новые слои наемных работников «интегрируются» в этот класс, но и «занятия, которые не были частью сектора материального производства, приобретают производственный характер».

[Сегодня] власть монополии [капитала] проявляется уже не в трудовых отношениях [Arbeitsverhältnis], а за их пределами, на рынке и во всех сферах политической и социальной жизни... Монополистический капитал находит своих жертв не только среди тех, кто зависит от него, но таким образом каждый из нас в тот или иной момент попадает в сети капиталистических отношений – хотя не исключено, что те [жертвы], которые непосредственно зависят от этого, иногда могут быть «меньшими жертвами», иногда даже выгодоприобретателями и потенциальными союзниками.

Расширение масштабов эксплуатации и необходимость вовлечения в нее дополнительных групп населения внутри страны и за рубежом обуславливают доминирующую тенденцию монополистического капитализма: организовать все общество в своих интересах и по своему образу и подобию.

Направляющая и организующая сила Gesamtkapital противостоит производительной силе Gesamtarbeiter (коллек-

тивной рабочей силы): каждый индивид становится простым фрагментом или атомом в скоординированной массе населения, которая, отделенная от контроля над средствами производства, создает глобальную прибавочную стоимость. В этой массе интеллигенция играет жизненно важную роль не только в процессе материального производства, но и во все более научном манипулировании и регулировании потребления и «продуктивного» поведения.

Процесс реализации капитала вовлекает в свою орбиту все большие слои населения – он выходит за рамки рабочего класса «синих воротничков». Маркс спроектировал структурные изменения, которые расширяют базу эксплуатации, включая ранее «непроизводительные» работы и услуги.

Уже не отдельный работник, а скорее социально объединенная рабочая сила становится фактическим агентом коллективного трудового процесса. Различные конкурирующие трудовые силы, составляющие производительную машину в целом, очень по-разному участвуют в непосредственном производстве товаров (здесь, скорее, продуктов). Один человек работает руками, другой – головой, один – менеджером, инженером, технологом и так далее, другой – наблюдателем, третий – непосредственным чернорабочим или простым помощником. Таким образом, все больше и больше функций рабочей силы подпадают под непосредственный концепция производительного труда и рабочие в рамках концепции производительных рабочих. Они непосредственно экс-

плуатируются капиталом... [Совместная деятельность коллективного работника приводит] немедленно к коллективному продукту, который в то же время является совокупностью товаров, и безразлично, выполняет ли функция отдельного рабочего, который является только членом этого коллективного рабочего, более отдаленный или близкий к непосредственному ручному труду... Деятельность этой объединенной рабочей силы заключается в ее непосредственном производительном потреблении капиталом – самореализации капитала, немедленном создании прибавочной стоимости.

Таким образом, во внутренней динамике развитого капитализма «понятие производительного труда неизбежно расширяется», а вместе с ним и понятие производительного работника, самого рабочего класса. Изменение не просто количественное: оно затрагивает всю вселенную капитализма.

Расширенная вселенная эксплуатации – это совокупность машин – человеческих, экономических, политических, военных, образовательных. Он контролируется иерархией все более специализированных «профессиональных» менеджеров, политиков, генералов, преданных поддержанию и расширению своего соответствующего доминиона, все еще конкурирующих в глобальном масштабе, но действующих в высших интересах капитала нации в целом – нации как капитала, империалистического капитала. Правда, этот империализм отличается от своих предшественников: на карту по-

ставлено нечто большее, чем сиюминутные и конкретные экономические требования. Если безопасность нации теперь требует военного, экономического и «технического» вмешательства, когда местные правящие группы не выполняют работу по ликвидации народных освободительных движений, то это потому, что система больше не способна воспроизводить себя с помощью своих собственных экономических механизмов. Эта задача должна быть выполнена государством, которое сталкивается на международной арене с воинствующей оппозицией «снизу», что, в свою очередь, разжигает оппозицию в метрополиях. И когда сегодня смертельная игра силовой политики приводит к эффективному сотрудничеству и эффективному разделению сфер влияния между государственно-социалистической и государственно-капиталистической орбитой, эта дипломатия предусматривает общую угрозу снизу. Однако «внизу» находятся не только несчастные на земле, но и более образованные и привилегированные человеческие объекты контроля и репрессий.

В основании пирамиды преобладает распыление. Она превращает всего человека – тело и разум – в инструмент или даже часть инструмента: активный или пассивный, продуктивный или восприимчивый, в рабочее и свободное время он служит системе. Техническое разделение труда делит само человеческое существо на частичные операции и функции, координируемые координаторами капиталистического процесса. Эта техноструктура эксплуатации организует об-

ширную сеть человеческих инструментов, которые создают и поддерживают богатое общество. Ибо, если он не принадлежит к безжалостно подавляемым меньшинствам, индивид также извлекает выгоду из этого богатства.

Капитал в настоящее время создает для большинства населения метрополий не столько материальные лишения, сколько управляемое удовлетворение материальных потребностей, превращая все человеческое существо – разум и чувства – в объект управления, направленный на производство и воспроизведение не только целей, но также ценностей и обещаний о системе, ее идеологическом рае. За технологической завесой, за политической завесой демократии появляется реальность, всеобщее рабство, потеря человеческого достоинства в заранее подготовленной свободе выбора. И структура власти больше не «сублимирована» в стиле либеральной культуры, даже не лицемерна (сохраняя при этом хотя бы «формальности», оболочку достоинства), а жестока, отбрасывая все претензии на правду и справедливость.

Ложь и правда, хорошее и плохое открыто становятся категориями политической экономии; они определяют рыночную стоимость людей и вещей. Товарная форма становится универсальной, и в то же время с исчезновением свободной конкуренции «врожденное» качество товара перестает быть решающим фактором его конкурентоспособности. Президента продают, как автомобиль, и кажется безнадежно старомодным судить о его политических заявлениях с точ-

ки зрения их правдивости или лжи — что подтверждает их, так это их качество для сохранения или получения голосов. Безусловно, президент должен быть в состоянии выполнять функцию, для которой он куплен: он должен быть в состоянии обеспечить ведение бизнеса в обычном режиме. Точно так же качество автомобиля определяется (и ограничивается) нормой прибыли. Автомобиль тоже должен выполнять функцию, для которой он куплен, но на это «техническое» качество «накладываются» качества, требуемые политикой продаж (чрезмерная мощность, изнурительный комфорт, блестящий, но плохой материал и так далее).

Поскольку товарная форма становится универсальной и объединяет отрасли материальной и «высшей» культуры, которые ранее сохраняли относительную независимость, это выявляет существенное противоречие капитализма в его предельной концентрации: капитал против массы работающего населения в целом.

Внутри этой зависимой массы иерархия позиций в процессе производства приводит к постоянным классовым конфликтам — конфликтам непосредственных интересов, например, между высокооплачиваемыми техниками, экспертами и всевозможными специалистами, с одной стороны, и, с другой стороны, рабочим, который страдает от такого применения технологии; между организованным трудом и субпролетариатом национальных и расовых меньшинств». «Непроизводительная» интеллигенция пользуется большей

свободой передвижения, чем производительный рабочий. И все же отделение от контроля над средствами производства определяет общее объективное состояние наемных работников: состояние эксплуатации – они воспроизводят капитал. Распространение эксплуатации на большую часть населения, сопровождаемое высоким уровнем жизни, является реальностью, стоящей за фасадом общества потребления; эта реальность является объединяющей силой, которая объединяет за спиной отдельных людей самые разные и конфликтующие классы основного населения.

III

Эта объединяющая сила остается силой распада. Тотальная организация общества под властью монополистического капитала и растущее богатство, создаваемое этой организацией, не могут ни отменить, ни остановить динамику его роста: капитализм не может удовлетворить потребности, которые он создает. Повышение уровня жизни само по себе выражает эту динамику: оно вынуждало постоянно создавать потребности, которые могли быть удовлетворены на рынке; в настоящее время оно поощряет трансцендентные потребности, которые не могут быть удовлетворены без отмены капиталистического способа производства. По-прежнему верно, что капитализм растет через растущее обнищание, и что обнищание будет основным фактором революции – хотя и в

новых исторических формах.

В марксистской теории первоначально обнищание означало лишения, неудовлетворенные жизненные потребности, в первую очередь материальные. Когда эта концепция больше не описывала положение рабочего класса в развитых индустриальных странах, она была переосмыслена в терминах относительной депривации: по отношению к имеющемуся общественному богатству, культурному обнищанию. Однако это переосмысление предполагает ошибочную преемственность в переходе к социализму, а именно улучшение жизни в рамках существующего универсума потребностей. Но то, что поставлено на карту в социалистической революции, — это не просто расширение удовлетворения в рамках существующего универсума потребностей, или сдвиг удовлетворения с одного (более низкого) уровня на более высокий, но разрыв с этим универсумом, качественный скачок. Революция включает в себя радикальную трансформацию самих потребностей и стремлений, как культурных, так и материальных; сознания и чувствительности; рабочего процесса, а также досуга. Эта трансформация проявляется в борьбе с фрагментацией работы, необходимостью и производительностью глупых выступлений и глупый товар, против жадного буржуазного индивидуума, против рабства под маской технологии, лишения под маской хорошей жизни, против загрязнения окружающей среды как образа жизни. Моральные и эстетические потребности становятся основными, жизнен-

но важными потребностями и ведут к новым отношениям между полами, между поколениями, между мужчинами и женщинами и природой. Свобода понимается как коренящаяся в удовлетворении этих потребностей, которые являются чувственными, этическими и рациональными одновременно.

Если Новые левые подчеркивают борьбу за восстановление природы, за общественные парки и пляжи, за пространства спокойствия и красоты; если они требуют новой сексуальной морали, освобождения женщин, то они борются против материальных условий, навязанных капиталистической системой и воспроизводящих эту систему. Ибо подавление эстетических и моральных потребностей является средством господства.

Маркс видел в развитии и распространении жизненно важных «избыточных» потребностей помимо основных потребностей уровень прогресса, на котором капитализм созрел бы для своего конца:

Великая историческая роль капитала заключается в создании избыточного труда, труда, который является излишним с точки зрения простой потребительной стоимости, простого существования. Историческая роль капитала выполнена, как только (с одной стороны) уровень потребностей был развит до такой степени, что избыточный труд сверх работы для удовлетворения потребностей сам по себе стал всеобщей потребностью, порожденной самими индивидуальными по-

требностями, и (с другой стороны), когда строгая дисциплина капитала обучало последующие поколения трудолюбию, и это качество стало общим достоянием нового поколения...

Всеобщая потребность в работе, отличной от потребностей и превышающей их, рассматривается здесь как развивающаяся из индивидуальных потребностей – только при таких условиях индивидуумы сами определяют цели, приоритеты и направление своей работы. На самой продвинутой стадии капитализма, когда работа для удовлетворения потребностей технически сведена к минимуму, всеобщая потребность в прибавочной работе ознаменовала бы разрыв, качественный скачок. Историческим локусом революции является та стадия развития, на которой удовлетворение основных потребностей создает потребности, выходящие за рамки государственно-капиталистического и государственно-социалистического общества.

В росте этих потребностей заключаются радикально новые импульсы революции. Настаивание на них никоим образом не указывает на ослабление или даже отказ от основного требования всех революций, а именно, удовлетворение материальных потребностей для всех. Но это выражает осознание того, что с самого начала удовлетворение жизненно важных материальных потребностей в революции должно происходить под горизонтом самоопределения – мужчин и женщин, которые отстаивают свою свободу, свою человечность в удовлетворении своих жизненно важных материальных по-

требностей. Человек есть и остается животным, но животным, которое реализует и сохраняет свое животное существо, делая его частью себя, своей свободой как Субъекта.

Центробежные силы, которые проявляются в возникновении превосходящих потребностей, действуют за спиной капиталистических менеджеров, и они порождаются самим способом производства. Растущая производительность труда, сопровождаемая сокращением использования рабочей силы, используемой в производстве товаров, вызывает необходимость внутреннего расширения рынка, аналог внешнего империализма. Установленный способ производства может поддерживать себя только путем постоянного увеличения массы предметов роскоши и услуг, выходящих за рамки удовлетворения жизненно важных материальных потребностей (удовлетворение этих потребностей требует все меньшего количества рабочего времени), что означает увеличение потребительского населения (массы покупательной способности), способного покупать эти товары. Страдание от неудовлетворенных жизненно важных потребностей отменяется для большинства населения; откровенная бедность «сдерживается» меньшинством (хотя и растущим) из населения. Технический прогресс и массовое производство «предметов роскоши» создают и воссоздают, наряду с миром отчужденного труда (в ежедневной рекламе и демонстративной демонстрации товарного богатства), образы мира легкости, наслаждения, удовлетворения и комфорта, который больше не

представляется исключительной привилегией элиты, но скорее в пределах досягаемости масс. Технические достижения капитализма врываются в мир разочарования, несчастья, репрессий. Капитализм открыл новое измерение, которое одновременно является жизненным пространством капитализма и его отрицанием. Производство товаров и услуг в расширенных масштабах сокращает базу для дальнейшего капиталистического развития.

Развитие «третичного сектора», сектора «услуг», отныне происходит в ускоренном ритме. Это поглощает растущие требования и требует все большего непроизводительных инвестиций. Рост этого сектора создает неравновесие в балансе сил, который до сих пор полностью зависел от увеличения объема товаров и прибыльности производства.

Это не парадокс, если производитель начинает все больше и больше отступать перед потребителем, если воля к производству ослабевает перед нетерпением потребления, для которого приобретение произведенных вещей менее важно, чем удовольствие от живых вещей...

Бунт молодого поколения против общества потребления – это не что иное, как интеллектуальное проявление воли выйти за пределы индустриальной эпохи, поиск нового типа общества, которое каким-то образом выходит за рамки общества производителей.

Конечно, «наслаждение живыми вещами» предполагает их производство – хотя и не полностью! Многие из них

уже есть; их просто нужно перераспределить. И вещи, необходимые для удовлетворения материальных потребностей для всех, могут быть произведены с минимумом отчужденного труда. Но создание адекватной прибавочной стоимости требует не только интенсификации труда, но и увеличения инвестиций в ненужные и прибыльные услуги (реклама, развлечения, организованные поездки) при одновременном пренебрежении и даже сокращении неприбыльных общественных услуг (транспорт, образование, социальное обеспечение). Несмотря на это, монополистическому капитализму угрожает насыщение инвестиционного и товарного рынков. Конкурентное потребление должно постоянно увеличиваться, что означает, что высокий уровень жизни увековечивает жизнь во все более бессмысленных и бесчеловечных формах, в то время как бедные остаются бедными, а число жертв *prosperitas Americana* растет.

Кажется, что это противоречие между тем, что есть, и тем, что возможно и должно быть, проникает в сознание зависимого населения в очень конкретных формах. Осознание иррациональности целого отрицательно влияет на производительность системы. Фетишизм товарного мира истощается: люди видят структуру власти, стоящую за предполагаемой технократией и ее благами. За пределами небольших радикальных меньшинств это осознание все еще неполитично, спонтанно; снова и снова подавляемое; «идеологическое», но оно также находит выражение в самой основе общества.

В распространении диких забастовок, в воинствующей стратегии захвата фабрик, в отношении и требованиях молодых рабочих протест обнаруживает восстание против всех навязанных условий труда, против спектакля, на который человек обречен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.